

Годъ изданія девятый.

І Ю Н Ъ.

№ 16.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

XVI 45
10

СОДЕРЖАНІЕ:

РОДНАЯ КАРТИНКА (стих.).
ЧЕРЕЗЪ ОКНО.
ВЪ ЛѢСУ (стих.).
НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ.
НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ (повѣсть).
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

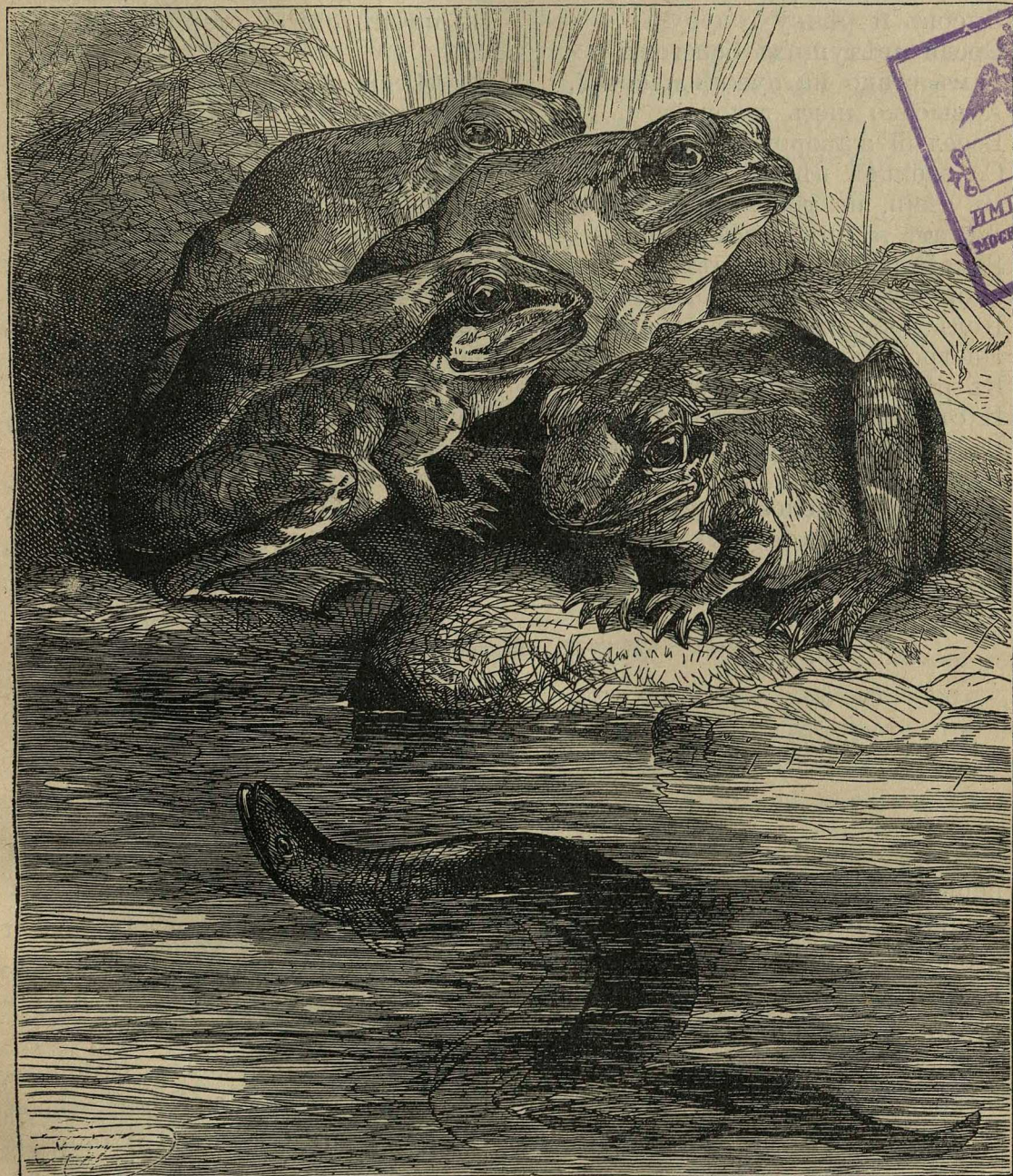
Степная усадьба — для склеиванія.

UNIVERSITY OF
COLUMBIA
LIBRARY
1121 SOUTH BROADWAY
NEW YORK, N.Y.
10025

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКИЙ
МУЗЕЙ

Лягушки, испугавшіяся угря.

РОДНАЯ КАРТИНКА.

Деревню вспомнилъ я родную,
Средь зеленѣющихъ садовъ,
Лѣсокъ и рѣчку голубую
Среди цвѣтущихъ береговъ.
Тамъ стадо на лужкѣ пасется,
А высоко надъ головой,
Веселый жаворонокъ вьется
Со звонкой пѣсней полевой.
Въ тѣни, на травкѣ, подъ дубами,
Лежить лѣнливо пастушокъ,
Рѣкой любясь и цвѣтами.
Стоитъ молоденькій бычокъ
Подъ деревомъ. Бѣгутъ агнята
На громкій зовъ ихъ матерей;
Въ рѣкѣ полощутся ребята,
И съ ними выводокъ гусей.
Въ садахъ, вокругъ напихъ бѣлыхъ
хатокъ,
Такъ много зелени, цвѣтовъ!
Такъ много ласточекъ—касатокъ,
И птичекъ въ заросляхъ кустовъ.

Днемъ тишина стоитъ въ деревнѣ:
Въ поля крестьяне всѣ ушли,
На печкѣ спитъ старикъ лишь
древній,
Да дѣтки возятся въ пыли.
Но вотъ и вечеръ наступаетъ.
Вернулись всѣ домой съ полей,
Обѣдать быстро собираетъ
Крестьянка для семьи своей.
Хозяйки весело встрѣчаютъ
На улицѣ коровъ, телятъ,
И тотчасъ въ стойла загоняютъ
Овецъ и рѣзвыхъ жеребятъ.
Заря на блѣдномъ небѣ рдѣетъ,
На полѣ коростель кричить,
Надъ лугомъ легкій вѣтеръ вѣетъ,
И запоздалый шмель гудитъ.
Слетѣлъ на землю сонъ спокойный,
Всѣ птицы въ гнѣздахъ мирноспятъ,
Прохладой день смѣнился знойный,
И съ неба звѣздочки блестятъ.

О. Л.

ЧЕРЕЗЪ ОКНО.

Анна Аркадьевна была уже не первой молодости и жила совершенно одиноко и уединенно во второмъ этажѣ большого дома. Цѣлые дни она сидѣла въ своей столовой у окна, выходившаго во дворъ, и читала. Она никогда не выходила изъ дому, ни съ кѣмъ изъ жильцовъ не была знакома и никто у нея не бывалъ. Только одна ея прислуга Марьюшка, ко-

торая отправлялась за покупками и возвращалась съ базара, и служила посредницей между ею и внѣшнимъ міромъ. Анна Аркадьевна не держала ни кошекъ, ни собакъ, а только читала и иногда, въ промежуткахъ между чтеніемъ, смотрѣла на голубое или сѣрое, судя по погодѣ, небо и мечтала о тихой, семейной жизни, въ которой ей было отказано судьбой.

Когда-то, уже давно, ей сдѣлалъ предложеніе одинъ очень хорошій господинъ Сергѣй Никитичъ. Онъ ей очень нравился, но она не могла выйти за него замужъ, потому что тогда у нея на рукахъ была ея больная, параличная мать. А затѣмъ, когда черезъ четыре года ея мать умерла, то Сергѣй Никитичъ женился уже на другой и куда-то уѣхалъ далеко. Переѣхала и она на жительство въ Петроградъ и съ тѣхъ поръ вотъ уже восьмой годъ жила безвыѣздно въ одномъ и томъ-же домѣ, сидѣла у окна и читала книги. Иногда Сергѣй Никитичъ приходилъ ей на умъ и тогда она начинала мечтать о семейной жизни и часто, тайкомъ отъ Марьюшки, плакала.

Она имѣла состояніе и ни въ чемъ не нуждалась. Марьюшка жила у нея уже нѣсколько лѣтъ, знала всѣ ея слабости и старалась угадать каждое ея желаніе — и обѣ были довольны одна другою. Марьюшка тоже была одинока и тоже втайнѣ вздыхала, когда говорили о семьяхъ и о дѣтяхъ.

„Хоть-бы кто-нибудь сжалился надъ нами, не разъ она думала въ простотѣ, — и подкинулъ-бы намъ ребенка“!..

И вотъ однажды въ полдень, когда Анна Аркадьевна сидѣла у открытаго окна и читала, вдругъ откуда-то сверху, тоже черезъ открытое окно, раздалось веселое

щебетанье дѣтей. Всѣ они говорили вмѣстѣ, въ одинъ голосъ, такъ что казалось страннымъ, какъ они могли другъ друга понимать. Анна Аркадьевна приглядѣлась и увидѣла напротивъ, въ третьемъ этажѣ, у окна, чуть не цѣлую полдюжину дѣтскихъ русыхъ головокъ. Всѣ онѣ глядѣли на нее, указывали пальцами и смѣялись.

„Это они, должно быть, смѣются надо мной, рѣшила Анна Аркадьевна. — „Имъ показались смѣшными мои очки или капоръ“...“

И она сосчитала дѣтей. Ихъ оказалось четверо. Ихъ веселыя, розовенькія, пухлыя личики весело улыбались, а самый младшій изъ нихъ вдругъ неожиданно послалъ Аннѣ Аркадьевнѣ воздушный поцѣлуй. Это умилило ее и ея сердце вдругъ наполнилось какой-то странной радостью. Точно запахомъ сирени пахнуло ей вдругъ въ лицо или точно она услышала далеко-далеко въ небѣ крики возвращавшихся журавлей.

— Марьюшка! кликнула она. — Иди посмотри!

Прибравшая въ это время посуду со стола, Марьюшка подошла къ окошку и тоже посмотрѣла на дѣтей.

— Это, должно быть, сиротки... сказала она. — На той сторонѣ третьяго дня схоронили какую-то женщину... Должно быть, ихъ мать... Отецъ ушелъ на службу, ну, вотъ

они и почуяли свободу и влѣзли всѣ на окно!..

И съ тяжкимъ вздохомъ она отправилась къ себѣ въ кухню. Во всемъ домѣ на противоположной сторонѣ по странной случайности были не заняты жильцами всѣ квартиры, за исключеніемъ лишь одной, именно той, въ которой жили дѣти. Всѣ жильцы уѣхали на дачи, поэтому во дворѣ было такъ тихо, что Анна Аркадьевна могла слышать малѣйшій разговоръ дѣтей. Къ тому-же ее и тянуло къ нимъ самое. Она не могла пересилить себя и то и дѣло отрывала глаза отъ книги и поглядывала на ихъ мордочки.

— Эй, тетя! кликнулъ ей наконецъ одинъ изъ мальчишекъ.— Какъ васъ зовутъ?

— Анна Аркадьевна! въ свою очередь крикнула она ему въ отвѣтъ.

— А меня — Яша! Я самый старшій. А это — моя сестра Лиза, а вотъ это — братишка Тося, а вотъ этотъ самый маленькій — Бумбумъ. Онъ постоянно плачетъ!

— Почему-же онъ Бумбумъ? Отчего онъ часто плачетъ?

— Потому что любить бить въ барабанъ; а почему онъ реветъ, мы не знаемъ!

Они помолчали немного и вдругъ Тося спросилъ:—

— Тетя, а тебѣ сколько лѣтъ?

Лиза толкнула его и строго замѣтила:—

— Ты забылъ? Папа вѣдь запрещаетъ спрашивать у чужихъ, сколько имъ лѣтъ! Это неприлично!

Анна Аркадьевна засмѣялась и тутъ-же вспомнила, что не смѣялась такъ уже очень давно. Къ окошку опять подошла Марьюшка.

— А это ваша гувернантка? спросилъ у Аннѣ Аркадьевнѣ Тося, указавъ на Марьюшку.

— Да! отвѣтила Марьюшка въ шутку.—Я ея гувернатка!

— А ты злая?

— Нѣтъ добрая!

— А наша бонна злая! Она только сейчасъ ушла со двора и оставила насъ однихъ. Папы цѣлый день нѣтъ дома, а она уходитъ и мы остаемся одни!

Анна Аркадьевна вздохнула.

— Кто-же васъ кормитъ? спросила она.

Но дѣтишки не отвѣтили. Послышался звонокъ, они вздрогнули, перепугались и соскочили съ окна.

— Бонна пришла! крикнули они въ испугѣ, захлопнули окошко и скрылись въ глубинѣ квартиры. Но окошко не затворилось и рамы отошли. Не прошло и пяти минутъ, какъ оттуда послышался рѣзкій, пронзительный крикъ. Кто-то бранилъ и распекалъ дѣтей. Это возвратившаяся бонна пробирала ихъ за что-то, вѣроятно, за то, что они сидѣли на окнѣ. Затѣмъ послышался плачь, кто-то завизжалъ и такъ жалостно, что

сердце у Анны Аркадьевны сжалось.

— Бѣдныя дѣтишки!.. проговорила она.

Потомъ къ окошку подошла какая-то сухая, некрасивая женщина и плотно заперла его на щеколду— и все стихло. Весь остатокъ того дня Анна Аркадьевна провела въ думахъ о дѣтяхъ и— странное дѣло— почему-то ей было пріятно о нихъ думать.

„Какъ-бы не забыть... думала она и перебирала въ умѣ ихъ имена. — Яша, Лиза, Тося и маленькій Бумбумъ!.. Отчего-же это онъ такъ часто плачетъ, этотъ самый маленькій Бумбумъ? Ужь не боленъ-ли онъ чѣмъ?

И въ ея душу стало забираться безпокойство объ его здоровьи.

Всю ночь ей снились бѣлокурыя головки дѣтей, которыя посылали ей воздушные поцѣлуи и тоненькій голосокъ говорилъ ей прямо въ самое ухо: „Развѣ можно спрашивать у чужихъ, сколько имъ лѣтъ? Вѣдь это неприлично!“

На слѣдующій день утромъ, когда, отпивъ кофе, Анна Аркадьевна усаживалась за свое обычное чтеніе, то окошко въ противоположной квартирѣ отворилось и кто-то замахалъ ей рукой. Она отворила свое окно. Это оказался маленькій Тося.

— Тетя! зашепталъ онъ, приложивъ ладони ко рту. — Не разговаривай съ нами сегодня сама, а

то намъ достанется! А вотъ когда бонна уйдетъ совсѣмъ, то мы опять тебѣ скажемъ и опять тебя позовемъ!

И онъ тотчасъ-же скрылся.

Аннѣ Аркадьевнѣ было пріятно, что ея вчерашніе друзья еще помнили о ней.

Вошла Марьюшка и порылась зачѣмъ-то въ буфетѣ.

— Видала я эту ихнюю бонну, проворчала она. — Такая злющая вѣдьма, что и прости Господи! Пришла сегодня утромъ въ лавку за молокомъ для дѣтей, — ужь орала, орала на лавочника... И бываютъ-же такія злюки!.. Ахъ, сироты, сироты, и зачѣмъ только вы появляетесь на свѣтъ!..

Ясно было, что и Марьюшка все время думала о дѣтяхъ.

— Швейцариха съ той лѣстницы разсказывала, продолжала она, — что ихняя мать, умирая, все время прижимала къ себѣ самаго маленькаго... А потомъ подозвала къ себѣ дѣвочку, да и говоритъ ей: „Лиза, говоритъ, ты, говоритъ, имъ будь, говоритъ, вмѣсто меня, говоритъ...“ А сама-то умираетъ, да такъ и плачетъ, такъ и плачетъ!..

Марьюшка заплакала и сама и вышла изъ комнаты.

Черезъ часъ завѣтное окошко весело распахнулось и на немъ опять появилась дѣтворя и замахала руками Аннѣ Аркадьевнѣ. Начался разговоръ. На этотъ разъ

Анна Аркадьевна была съ ними еще болѣе привѣтливой и дѣти рассказали ей всѣ свои тайны и всѣ свои маленькія и большія радости и огорченія. Повидимому, ихъ жизнь безъ матери была неселой. Еще издали было видно, что они были неряшливо одѣты, плохо причесаны и что, въ общемъ, за ними некому было приглядѣть. Лиза была мала и хотя была оставлена своимъ братишкамъ вмѣсто матери, но и сама нуждалась въ присмотрѣ. Но сами по себѣ дѣтишки казались очаровательными: они были развиты, правдивы, искренни и незлобивы. Но что было въ нихъ привлекательнѣе всего, такъ это ихъ тѣсная дружба между собою. Они все дѣлали сообща, заботились одинъ о другомъ, всѣ вмѣстѣ смѣялись и даже всѣ вмѣстѣ дрались. Но видно было, что безъ матери они сильно скучали.

— Папа все время на службѣ... какъ-то вздохнула Лиза. — А мамы нѣтъ... Мы всегда одни.

Съ тѣхъ поръ свиданія черезъ окно сдѣлались постоянными. Стоило только куда-нибудь боннѣ уйти, какъ дѣти ужъ появлялись у себя на подоконникѣ и начинали откровенничать передъ Анной Аркадьевной. Она ихъ утѣшала, рассказывала имъ коротенькія исторіи, хотя у нея и не хватало для этого голоса, и они были очень довольны и видѣли въ ней добрую тетю, въ которой они такъ нуж-

дались. Судя по ихъ рассказамъ, у нихъ было все: и квартира, и обеспеченный кусокъ хлѣба. Но у нихъ не хватало того, что называется теплымъ гнѣздышкомъ. У нихъ не было своего гнѣзда, въ которомъ они могли-бы быть обласканы и согрѣты. И вдругъ у нихъ появилась новая тетя! Она, эта самая тетя, вѣчно сидѣвшая до этого у окна и не выходившая изъ дому иначе какъ только въ церковь, и вдругъ стала теперь ходить по магазинамъ: то она покупала игрушки, то сладости, то книжки съ картинками— и все это отсылала своимъ новымъ друзьямъ. Въ глубинѣ души она мечтала пригласить ихъ какъ нибудь къ себѣ и потому заранѣе покупала всего. Всѣ углы у нея стали теперь занятыми разными бездѣлушками и играми для дѣтей.

— Ну, ну! покачивала головою Марьюшка.— Вамъ-то и самой занятно возиться съ ребятишками! Эхъ, не всѣхъ-то уравнилъ Господь! У однихъ семьяца такая, что дѣтей некуда дѣвать, и радуются, когда оно, дите бѣдное, помретъ, а мы съ вами одинокія... Не устроилъ Богъ нашу жизнь!..

А Анна Аркадьевна слышала черезъ окошко радостные возгласы своихъ юныхъ друзей и чувствовала отъ нихъ какую-то странную, ласкающую теплоту на сердцѣ. Боже мой, что если-бы у нея были дѣти? Что, если бы эти

ея большія, пустынные комнаты наполнились вдругъ смѣхомъ, разговорами и топотаньемъ маленькихъ ножекъ и въ нихъ забѣгали-бы дѣти, этотъ даръ Божій, для котораго существуетъ все земное и ради котораго люди хлопочуть, строятъ и стараются поумнѣе и поудобнѣе устроить свою жизнь?

И вотъ однажды окошко затворилось и перестало отворяться уже совсѣмъ. Дѣти не показывались въ немъ уже больше ни разу. Это встревожило Анну Аркадьевну и Марьюшку. Онѣ дѣлали рядъ предположеній, беспокоились и не знали, чѣмъ и какъ это объяснить.

— Должно быть, кто-нибудь изъ нихъ захворалъ, сказала Марьюшка.

Это еще болѣе разволновало Анну Аркадьевну. Она пождала еще немного, а затѣмъ потеряла терпѣніе и послала Марьюшку узнать, въ чемъ дѣло. Прислуга вернулась сама не своя отъ негодованія.

— Ишь ты! возмущалась она. — Гляди, какая важная наплась! Вѣдь эта пучеглазая, бонна-то ихняя, дѣтямъ вовсе запретила подходить къ окну! Узнала, что они разговариваютъ съ нами и изъ ненависти запретила имъ и еще нажаловалась на нихъ отцу. Швейцариха говоритъ, что дѣтки бѣдные плакали-плакали, да съ душой-то что подѣлаешь? Заперла окошко, прогнала дѣтей, вотъ и все!

И вотъ однажды Анна Аркадьевна увидѣла, что окошко вдругъ отворилось опять и въ немъ показалась плутоватая рожица Тоси. Онъ оглядѣлся по сторонамъ и вдругъ замахалъ ей рукой.

— Тетя, тетя! закричалъ онъ. — Она ушла! Ушла совсѣмъ! Больше у насъ ея уже не будетъ никогда!

Анна Аркадьевна обрадовалась ребенку и съ облегченіемъ вздохнула. Влѣдъ затѣмъ на подоконникѣ появились Яша, Лиза и маленькій Бумбумъ. Всѣ они махали ей руками, кланялись и смѣялись. Прибѣжала изъ кухни Марьюшка и тоже замахала имъ руками.

— Здравствуйте, здравствуйте! закричала она имъ. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Анна Аркадьевна стала завораживать въ бумагу сласти и бросать имъ въ окно черезъ дворъ.

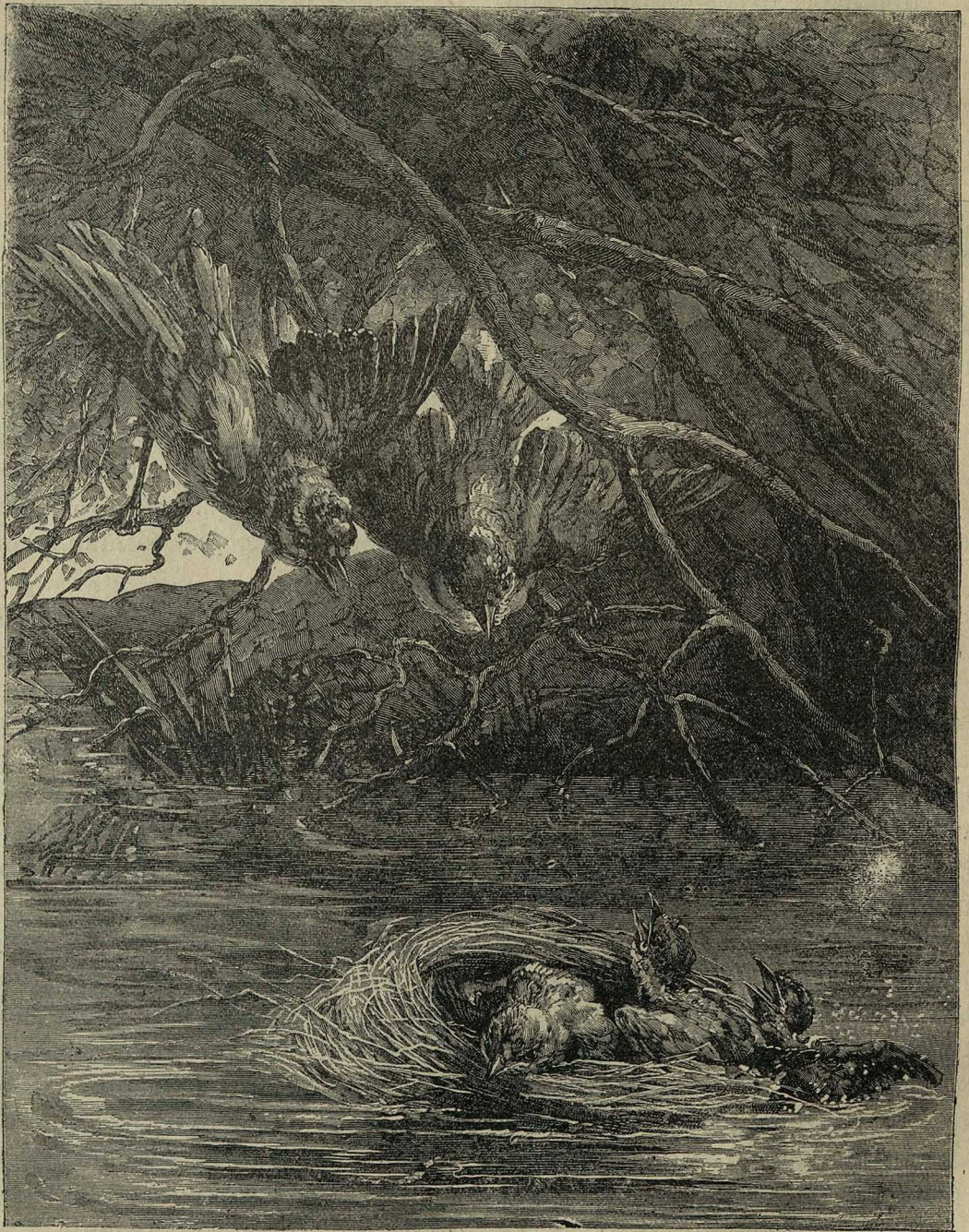
— Ловите! кричала она имъ, а сердце у нея такъ и прыгало отъ радости.

Они ловили, звонко смѣялись, но большая часть сластей упала внизъ на дворъ и была подобрана другими дѣтьми.

Затѣмъ они рассказали ей, что злая бонна ушла отъ нихъ совсѣмъ и что папа ищетъ теперь другую, добрую, и уже напечаталъ объ этомъ въ газетѣ объявленіе.

Анна Аркадьевна вострепелась.

— Я пойду! сказала она Марьюшкѣ. — Я пойду и наймусь къ нимъ!

Неожиданное происшествіе.

Мыльные пузыри.

— Да что вы, что вы? испугалась Марьюшка.— Да ваше-ли это, барышня, дѣло?

Но Анна Аркадьевна стояла на своемъ.

— Я пойду къ нимъ и поступлю къ нимъ въ бонны, говорила она.— Безъ жалованія, конечно! Чѣмъ здѣсь сидѣть у окна и не знать, куда себя дѣвать, гораздо-же лучше быть полезной для другихъ.

Рѣшеніе ея было безповоротно. Какъ ни отговаривала ее Марьюшка, она все твердила свое и наконецъ, выспросивъ у дѣтей, когда возвращался домой ихъ папа и когда принималъ, она одѣлась и не безъ радостнаго чувства отпра-влялись къ нимъ сама.

Она поднялась на третій этажъ и позвонила. Грязная кухарка отворила ей и сказала:

— Дома, пожалуйста!

Анна Аркадьевна вошла. На всемъ лежалъ признакъ безхозяйности, все было какъ-то неуютно и неопратно и при первомъ-же взглядѣ было замѣтно, что въ домѣ не хватало главнаго — а именно хозяйки. Квартира была хорошая, мебель — тоже не изъ плохихъ, но все было какъ-то не у мѣста и точно плакало, что никто, никто не обращалъ ни на что вниманія. Издали донолись голоса дѣтей.

-- Скажите, что пришла наниматься бонна! обратилась къ кухаркѣ Анна Аркадьевна.

Кухарка вышла и вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вышелъ самъ хозяинъ. Онъ посмотрѣлъ на Анну Аркадьевну, она — на него, и вдругъ оба въ удивленіи отступили назадъ.

— Анна Аркадьевна! воскликнулъ хозяинъ.— Какими судьбами?

— Сергѣй Никитичъ! отвѣтила Анна Аркадьевна и отъ волненія ухватила за грудь и опустилась въ кресло.

Затѣмъ они долго разговаривали. Онъ очень удивился, что она, которую онъ зналъ за женщину средствами, и вдругъ такъ обѣднѣла, что пришла наниматься къ нему въ бонны. Но когда она рассказала ему все, то онъ удивился еще болѣе и долго пожималъ ей руку. Ея самоотверженная доброта тронула его, ему хотѣлось, чтобы она занялась его дѣтьми, и въ то же время было неловко ее заруднять. Но она искренно и откровенно ему сказала:

— Будемъ просты, какъ и ваши дѣти! Не лишайте меня удовольствія, быть къ нимъ поближе и заботиться о нихъ!

Онъ подошелъ къ двери и крикнулъ въ нее:

— Дѣти, идите сюда! Я нанялъ для васъ новую бонну.

Они всѣ толпой вбѣжали въ гостиную и вдругъ сразу остолбѣнѣли.

— Тетя! воскликнули они въ удивленіи.

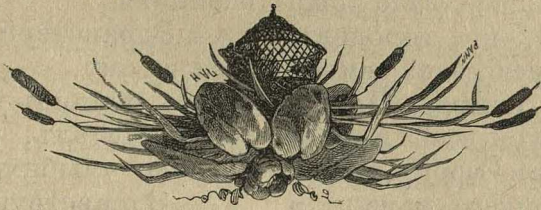
А затѣмъ они бросились къ ней и повисли на шеѣ. Это было одно изъ тѣхъ счастливыхъ свиданій, которыя не забываются никогда и связываютъ людей навѣки.

Связало оно и Анну Аркадьевну съ Сергѣемъ Никитичемъ. Сначала она каждый день приходила къ дѣтямъ и проводила съ ними время до самаго вечера, или-же всѣхъ ихъ забирала къ себѣ и предоставляла имъ всю свою квартиру и самоё себя, а затѣмъ не прошло и полгода, какъ къ ней явился самъ Сергѣй Никитичъ и попросилъ ее быть ему женой, а его дѣтямъ второю матерью.

И стала Анна Аркадьевна изъ тети мамой. Дѣти были рады этому, такъ какъ теперь были уже увѣрены, что она отъ нихъ не уйдетъ уже больше никогда, а она полюбила ихъ, какъ настоящая мать, и лучшаго они не желали для себя ничего.

— Ну, вотъ и объ насъ вспомнилъ Господь! говорила съ удовольствіемъ Марьюшка, и то и дѣло поглядывала на образъ и повторяла: — Слава Богу! До смерти люблю, когда подъ ногами толкутся ребятишки и мѣшаютъ! А то все однѣ, да однѣ...

М. Б.

ВЪ ЛѢСУ.

Летаютъ бабочки и мушки,
Блится солнышко съ небесъ
И, позабывъ свои игрушки,
Толпою мчатся дѣти въ лѣсъ.
Они рассѣялись и ищутъ...
Кто больше ягодъ соберетъ?
А птички божьи такъ и свищутъ!
А соловей такъ и поетъ!
— „Смотрите всѣ! Сюда взгляни-ка!“
Вдругъ раздается голосокъ, —
— „Уже поспѣла земляника!“

А тотъ кричитъ: — „Нашелъ грибокъ!“
А третій крикнетъ: „Бѣлка! Бѣлка!“
„Какой у ней пушистый хвостъ!“
„Здѣсь ягодъ цѣлая тарелка!“
„А здѣсь грибовъ на цѣлый постъ!“
И дѣти крикомъ оглашаютъ
Прохладный, добрый, старый лѣсъ,
А онъ стоитъ и имъ внимаетъ
И передъ ними открываетъ
Роскошный рядъ своихъ чудесъ.

Кузнецикъ.

НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ.

(Разказъ моего папы).

Были холодныя, зимнія сумерки. Тяжелыя, сѣрыя облака нависли надъ землей и угасавшій день казался еще мрачнѣе. Мнѣ было почему-то невыносимо-то скливо съ самаго утра, и я отправился въ гости къ своему дядѣ Ванѣ, у котораго всегда находилъ для себя какое-нибудь развлеченіе.

Дядя Ваня жилъ въ маленькомъ домикѣ на краю города. Онъ получалъ пенсію и былъ уже очень старъ. Когда-то въ молодости онъ былъ посланъ служить на Дальній Востокъ, гдѣ не было еще тогда ни селеній, ни городовъ, провелъ тамъ со всею своей семьей цѣлыя восемь лѣтъ и черезъ Индійскій океанъ, вкругъ всей Азіи и Африки вернулся въ Европу. Тогда еще не было Суэцкаго канала и приходилось огибать мысъ Доброй Надежды. Затѣмъ, уже полковникомъ, онъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, овдовѣлъ, лишился всѣхъ своихъ дѣтей и одинокимъ старцемъ доживалъ свой вѣкъ въ нашемъ городѣ. У него болѣли ноги и онъ не выходилъ и не выѣзжалъ никуда. Сколько я могу припомнить, я всегда любилъ этого привѣтливаго старика. Я выросъ у него на глазахъ и онъ съ своей стороны любилъ меня. И теперь, когда ревматизмъ приковалъ его къ креслу, я пользовался правомъ ежедневно посѣщать его и проводить у него цѣлыя часы. Это всегда было для меня праздникомъ, такъ какъ дядя часто любилъ разсказывать мнѣ о войнѣ и о своей

молодости. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, передъ которымъ я открывалъ свою душу, которому я довѣрялъ, потому что онъ лучше всѣхъ меня понималъ. И я бѣжалъ теперь къ нему, со всѣхъ ногъ.

— „Навѣрное онъ мнѣ что-нибудь разскажетъ изъ своихъ приключеній!“ думалъ я по дорогѣ.

На звонокъ, мнѣ отворилъ дверь его старый слуга, бывший еще на войнѣ его денщикомъ.

Стрѣлой я вбѣжалъ къ дядѣ въ кабинетъ.

— Здравствуй дядя-Ваня! сказала я ему.

Онъ поднялъ глаза съ книги, которую читалъ, и, увидѣвъ меня, ласково улыбнулся.

— Здравствуй, отвѣтилъ онъ.— Гдѣ это ты такъ долго пропадалъ? Я уже давно ожидаю тебя...

И, замѣтивъ, что я былъ хмурый, онъ притянулъ меня къ себѣ и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Ты чего такой сегодня? спросилъ онъ меня.—Ты, кажется, дома плакалъ?

Я дѣйствительно дома плакалъ о чемъ-то, но не помню теперь, о чемъ именно. Я только глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Дядя, разскажи мнѣ что-нибудь!

Онъ погладилъ меня по головѣ.

— О чемъ-же мнѣ тебѣ разсказать сегодня? спросилъ онъ.—Развѣ о томъ, какъ мы погибали?

Я давно уже зналъ эту исторію,

нѣсколько разъ слышалъ ее, но всякій разъ мнѣ было интересно ее слушать.

— Да, да, дядя! обрадовался я. — Расскажи именно объ этомъ! Я такъ люблю тебя слушать!

Дядя отложилъ въ сторону книгу, снялъ съ себя очки, поправилъ у ногъ одѣяло и началъ:

Цѣлые дни уже продолжалась буря, корабль сбило вѣтромъ съ пути и онъ носился теперь по волнамъ гдѣ-то въ южномъ полушаріи, около Африки, но гдѣ именно, его капитанъ опредѣлить не могъ. Подъ конецъ команда потеряла самообладаніе и мы услышали вдругъ крикъ:

— Мы погибаемъ! Спасайся, кто можетъ!

Большинство пассажировъ было въ это время внизу. Услышавъ эти крики, они бросились укладывать свои вещи, и, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, тоже потеряли голову и не знали, за что ухватиться. Среди нихъ былъ я, который ѣхалъ со своей семьей въ Россію черезъ Капштадтъ. Долгое время я успокаивалъ своихъ жену и дѣтей и когда выбѣжалъ затѣмъ наверхъ, чтобы оглядѣться и понять, въ чемъ дѣло, то оказалось, что всѣ пассажиры и команда уже уплыли, оставивъ пароходъ на произволь судьбы.

Каковъ же былъ мой ужасъ, когда сквозь брызги отъ волнъ и дождя я увидѣлъ, что послѣдняя лодка отчалила уже отъ корабля, что команда бросила насъ однихъ и, не смотря на мои отчаянные крики и просьбы о помощи, такъ и не обратила на насъ вниманія. Мой голосъ былъ не слышенъ за

шумомъ волнъ, да если-бы они и захотѣли возвратиться, чтобы взять меня и мою семью съ собой, то все равно этого сдѣлать не могли бы, такъ какъ ихъ лодка должна была-бы разбиться о пароходъ.

Нашъ пароходъ застрялъ между двухъ подводныхъ камней. Его передняя часть уже была разбита въ щепы. Волны заливали его со всѣхъ сторонъ. На утро, буря стала утихать и наша несчастная семья должна была придумать средство, какъ бы добраться до земли. Изъ оставшихся досокъ я и мои мальчишки-сыновья сколотили плотъ, связали его веревками и спустили на воду.

Когда все было готово, мы всѣ взошли на него и отплыли отъ корабля. Моя жена первая оставила пароходъ, за нею сошелъ нашъ сынъ Федя, а потомъ сползъ на своихъ рученкахъ и нашъ восьмилѣтній мальчуганъ Сергѣй. Мы не знали, скоро-ли достигнемъ до берега и потому взяли съ собой побольше съѣстныхъ припасовъ и разныхъ инструментовъ — огородныхъ, плотничьихъ и другихъ. Когда мы уже совсѣмъ почти были готовы отплыть, мы услышали на пароходѣ жалобные крики животныхъ, которыя были на немъ еще до кораблекрушенія; чувствуя, что мы оставляемъ ихъ, они жалобно выли и кричали. Это были двѣ собаки, корова, оселъ, двѣ козы, шесть овецъ, свинья, куры и пѣтухъ, нѣсколько утокъ и гусей. Всѣ они были приготовлены для ѣды во время нашего долгаго пути. Такъ какъ ихъ некуда было уже дѣвать, то я вернулся, отворилъ ихъ клѣтки и выпустилъ всѣхъ ихъ на свободу. Тотчасъ же

утки и гуси слетѣли на воду и уплыли, а голуби полетѣли куда-то направо, должно быть, къ берегу. Собаки тоже поплыли. Курь мы взяли съ собой. Мы отчалили отъ корабля и поплыли вслѣдъ за собаками. И дѣйствительно, мы скоро добрались до какого-то незнакомаго островка. Собаки приплыли туда раньше насъ и встрѣтили насъ съ радостнымъ лаемъ и прыжками. Гуси и утки, доплывъ до берега, подняли страшный гамъ, а тутъ еще оказались фламинго и пингвины, мирный покой которыхъ мы нарушили своимъ появленіемъ, и поднялся такой крикъ, что мы едва могли слышать другъ друга.

Добравшись до берега, я собралъ вокругъ себя всю свою семью, мы встали на колѣни прямо на песокъ и стали благодарить Бога, за наше спасеніе. Затѣмъ мы поручили Ему нашу дальнѣйшую судьбу и стали оглядываться по сторонамъ. Буря уже утихла совсѣмъ, небо было синее и солнце ярко свѣтило. Нашъ берегъ оказался очень красивымъ, съ массой деревьевъ и пальмъ. Мы тотчасъ же выпустили на свободу нашихъ куръ, которыхъ все равно намъ нечѣмъ было кормить. Но онѣ не потерялись и тотчасъ же принялись разгребать кучи ила, образовавшіяся на берегу, и отыскивать въ нихъ улитокъ и червячковъ. Пѣтухъ весело хлопалъ крыльями и огласилъ воздухъ своимъ ку-ку-реку. Затѣмъ мы стали устраивать себѣ убѣжище, гдѣ бы мы могли пріютиться на ночь. Это намъ скоро удалось. Воткнувъ въ дыру въ скалѣ перекладину и подперевъ ее съ другого конца шестомъ, мы

сдѣлали такимъ образомъ раму, на которую натянули парусъ, захваченный нами съ корабля, наставили съ другихъ боковъ одинъ на другой наши ящики съ провизіей и имуществомъ и такимъ образомъ у насъ получился шалапъ. Когда все было готово, мальчики побѣжали за мхомъ и травой, принесли ихъ цѣлыя кучи и сдѣлали изъ нихъ мягкія постели. Я же, какъ разъ у берега хрустальнаго ручья, протекавшаго невдалекѣ отъ насъ, сложилъ изъ камней печь. Скоро запылали въ ней сухія вѣтки и высохшая морская трава, я наполнилъ чугунокъ водой и передалъ его женѣ. Она поставила его на очагъ и принялась готовить намъ обѣдъ. Маленькій Сережа все время вертѣлся около нея и помогалъ ей.

Затѣмъ я принялся вылавливать изъ воды плававшія у берега бочки, которыя пригнало сюда съ нашего потибшаго парохода, а Федя въ это время наловилъ много раковъ и отнесъ ихъ къ матери. Какъ и всегда, дѣти стали съ любопытствомъ ходить по берегу и искать раковинки. Скоро они набрали ихъ столько, что мы сдѣлали изъ нихъ ложки, а болѣе крупныя раковины стали служить для насъ вмѣсто чашекъ и тарелокъ.

Ночь мы провели отлично. Мы сытно поужинали, уставшіе, не спавъ хорошо уже нѣсколько ночей, заснули сномъ праведниковъ и проснулись только тогда, когда было уже свѣтло и солнце взошло уже высоко.

Утромъ я и Федя отправились изслѣдовать нашу страну. Мы нашли по дорогѣ тыквы, орѣхи ка-

као, изъ которыхъ дѣлаютъ въ Европѣ шоколадъ, и сахарный тростникъ. Одна изъ собакъ, Джимъ, которая побѣжала за нами, гдѣ-то нашла маленькую обезьяну и, вообразивъ, вѣроятно, что это ребенокъ, принесла ее къ намъ у себя на спинѣ. Мы вернулись домой только къ вечеру, обремененные нашей ношей, которую мы собирали по дорогѣ. Обезьянка все время сидѣла у Феда на плечѣ. Ночью мы были перепуганы нападеніемъ шакаловъ. Эти безпкойныя животныя осаждали насъ со всѣхъ сторонъ, но благодаря нашимъ собакамъ и выстрѣламъ изъ ружья, они скоро насъ оставили въ покоѣ и убѣжали.

На слѣдующій день я и Федя снова отправились на плоту на остатки отъ нашего корабля. Когда мы подплывали къ нему, то увидѣли на немъ бѣдныхъ животныхъ, которыхъ мы оставили на немъ третьяго дня. Всѣ они еще были живы, хотѣли ѣсть и очень обрадовались, когда мы къ нимъ подплыли. Намъ нужны были порохъ и ружья, а также кухонная посуда и потому мы прежде всего отправились ихъ разыскивать и въ уцѣлѣвшей кладовой нашли ихъ достаточное количество. Тамъ же оказалась масса разныхъ консервовъ въ жестянкахъ, сухой зелени, окороковъ и колбасъ. Все это мы захватили съ собой. Попался подъ-руку большой кусокъ сѣры и я взялъ его къ себѣ, чтобы приготовить изъ него потомъ побольше спичекъ.

Возвратившись къ себѣ, мы долго обсуждали вопросъ, какъ быть съ тѣми животными, которыя остались на кораблѣ. Съ каждымъ

днемъ волны разрушали парходъ все болѣе и болѣе и дней черезъ пять, много черезъ недѣлю, отъ него не останется уже больше ничего. Поэтому необходимо было спѣшить и, пока стояла хорошая погода, перевезти съ него на берегъ все, что было возможно. И мы рѣшили, наконецъ, перевезти всѣхъ животныхъ къ себѣ. Но какъ? Нашъ плотъ былъ не настолько крѣпокъ и великъ, чтобы выдержать на себѣ корову или осла.

— Знаешь, папа? обратился ко мнѣ Федя.— Мы сдѣлаемъ для нихъ плавающіе пояса! Тогда мы бросимъ корову прямо въ воду и потянемъ ее за собою на веревкѣ, а уже плыть будетъ она сама.

— Это вѣрно, отвѣтилъ я.— Давай попробуемъ!

Для опыта мы рѣшили перевезти такимъ образомъ сначала одну изъ овецъ. Я надѣлъ на нее кушакъ изъ куска паруса, къ кушаку мы привязали побольше пустыхъ бутылокъ, которыя плавали на поверхности воды, и потянули овцу за собой. Она благополучно и невредимо дотацилась до берега.

— Ура! закричалъ Федя въ восторгѣ.— Такъ мы всѣхъ ихъ перетащимъ на берегъ и у насъ будетъ цѣлое хозяйство!

И дѣйствительно, мы скоро перетацили ихъ всѣхъ съ помощью поясовъ и пустыхъ бутылокъ и боченковъ. Съ корвою же и осломъ намъ пришлось похлопотать, потому что эти животныя были сравнительно велики и у насъ для нихъ не хватало бутылокъ и боченковъ. Пришлось опоражнивать цѣлыя бочки, укрѣплять ихъ ме-

— Ты, куколка, не шали!.. Спи спокойно!..

Съ цвѣточками.

жду собой и привязывать къ нимъ корову и осла. А когда мы окончили эти наши приготовленія, оказалось, что мы не въ силахъ были ихъ столкнуть съ корабля въ море. Наконецъ, съ помощью кольевъ и рычаговъ, намъ удалось перваго спихнуть въ воду осла. Онъ слетѣлъ съ вышины, глубоко погрузился въ воду, затѣмъ бочки вытянули его на поверхность и мы видѣли, какъ онъ забарахтался въ водѣ. Корова, овца и козы послѣдовали за нимъ и скоро были вытянуты нами на берегъ. Только одна изъ козъ ни за что не хотѣла покинуть корабль. Она упиралась, бодалась и такъ себя вела, что я уже рѣшилъ отказаться отъ нея и оставить ее погибнуть на кораблѣ. Но когда намъ удалось, наконецъ, столкнуть ее въ воду, то она поплыла къ берегу сама, безъ всякой помощи съ нашей стороны, и вышла первая изъ воды. Ее встрѣтили мои жена и Сережа и ласково освободили ее отъ бутылки. Вѣроятно, забавно было смотрѣть на насъ со стороны, когда мы плыли на нашемъ плоту отъ корабля къ себѣ домой. Я и Федя гребли веслами, а слѣдомъ за нами тянулись корова, осель и прочія животныя, всѣ увѣшанныя пустыми бочками и бутылками, и мы всѣхъ ихъ тащили на веревкѣ за собой.

Въ этотъ вечеръ у насъ былъ цѣлый праздникъ. Жена сварила намъ отличный обѣдъ, у насъ были яичница и молоко и мы запили все это привезеннымъ съ корабля виномъ.

Пока я и Федя хлопотали съ кораблемъ, ловя каждый моментъ чтобы успѣть снять съ него все,

что только было возможно, жена была занята устройствомъ жилища. Она рѣшила, что оставаться жить далѣе въ палаткѣ, подъ палящими лучами солнца, было невозможно, и, забравши съ собой ребятъ, отправилась въ ближайшій лѣсъ, такъ и оставивъ все наше имущество на произволь судьбы. Да его некому было бы и воровать, потому что нашъ островъ былъ необитаемъ и самыми опасными для насъ могли бы быть развѣ только одни шакалы; но они уже были достаточно напуганы нашими собаками и ружейными выстрѣлами и оставили насъ въ покоѣ.

Когда мы съ Федей вернулись съ парохода, она рассказала намъ слѣдующее:

— Мы съ Сережей взяли съ собой собакъ и отправились въ лѣсъ. Если бы ты зналъ, сколько тамъ летаетъ прекрасныхъ птицъ и какъ онѣ голосисто поютъ! Онѣ насъ нисколько не боялись, садились къ намъ прямо на головы и плечи, но я запретила Сережѣ трогать ихъ, чтобы онѣ убѣдились, что мы имъ братья и сестры и не причинимъ имъ вреда. Не могу описать тебѣ, какія тѣнистыя деревья растутъ въ томъ лѣсу и какъ они толсты и крѣпки. Ты долженъ все это осмотрѣть вмѣстѣ съ Федей самъ. Тамъ мы видѣли одно дерево, которое растетъ такъ странно, что въ его вѣтвяхъ можно устроить цѣлый домъ. Если бы мы могли устроить тамъ наше жилище, поселиться въ вѣтвяхъ этого милаго, гостепріимнаго дерева, гдѣ никто насъ не могъ бы достать, то я была бы вполне счастлива и довольна. Тамъ бы я чувствовала

себѣ въ полнѣйшей безопасности и знала бы, что меня не побезпокоятъ тамъ даже эти негодяи-шакалы.

Эта мысль моей жены была одобрена нами и принята. Но для того, чтобы попасть въ тотъ лѣсъ, нужно было перейти въ-бродъ черезъ ручей, около котораго была выстроена мною печь. Ночью же прошелъ дождь и нашъ ручей превратился сразу въ цѣлую рѣку. Пришлось дѣлать черезъ него мостъ. Федя привязалъ къ веревочкѣ камень, перебросилъ его черезъ ручей и притянулъ его обратно къ себѣ. Такимъ образомъ онъ узналъ ширину ручья. Затѣмъ мы приступили къ постройкѣ моста. На берегу лежали два повалившихся когда-то отъ бури дерева. Я обрубилъ съ нихъ засохшія уже вѣтки, привязалъ къ нимъ веревку, впрягъ въ эту веревку осла и заставилъ его тащить эти деревья въ воду. Бревна попадали въ воду и, будучи удерживаемы осломъ съ одной стороны, скоро стали, благодаря теченію, поперекъ ручья. Тогда я укрѣпилъ ихъ камнями и кольями, настлалъ на нихъ досокъ, и мостъ былъ готовъ.

Дѣти съ радостными криками тотчасъ же перебѣжали на ту сторону, затѣмъ вернулись назадъ, и мы стали устраивать перила. Покончивши съ мостомъ, мы нагрузили все наше добро на осла, корову и на самихъ себя и двинулись въ путь, къ лѣсу, искать себѣ новое жилище. Скоро мы нашли то дерево, о которомъ говорила мнѣ жена и оно, дѣйствительно, оказалось вполне подходящимъ, чтобы сдѣлать въ вѣтвяхъ

его для насъ гнѣздо. Нашъ новый домъ вышелъ у насъ на-славу. Мы настлали въ немъ полъ, забрали стѣны, сдѣлали окна и крышу и такъ и поселились въ немъ на постоянное жительство, какъ птицы. На землю мы спустили съ него веревочную лѣстницу, по которой входили и выходили изъ него, и которую на ночь убирали. Мы назвали наше новое жилище „Соколинымъ гнѣздомъ“, а то мѣсто, гдѣ жили раньше въ палаткѣ — „Первымъ убѣжищемъ“.

И потекла наша жизнь припѣваючи. Каждый день мы дѣлали какое-нибудь открытіе: или видѣли какую-нибудь диковинную птицу или звѣря, или находили какой-нибудь плодъ или траву и разговоры объ этомъ занимали весь нашъ тотъ день.

Чтобы сдѣлать болѣе удобными прогулки отъ „Соколиного гнѣзда“ къ „Первому убѣжищу“, въ особенности когда нужно было перевозить съѣстные припасы, мы сдѣлали телѣгу, въ которую запрягали корову и осла. Корабль сломался совсѣмъ и я и Федя нѣсколько разъ еще посѣтили его и сняли съ него еще массу съѣстныхъ припасовъ. Но самой значительной для насъ была находка настоящей капитанской лодки, съ полной оснасткой и даже съ двумя отличными ружьями, упакованными въ рогожѣ, на ея днѣ. Она была скрыта въ самомъ трюмѣ разбившагося корабля и нѣтъ сомнѣнія, что ее везли куда-нибудь, въ качествѣ багажа. Когда мы вытащили ее изъ нѣдръ корабля, спустили ее на воду, и поставили парусъ, то намъ показалось, что она проснулась отъ долгаго сна

въ трюмѣ корабля и теперь обрадовалась свободѣ и голубому морю и весело взмахнула своимъ крыломъ.

— Ура! воскликнули мы въ восхищеніи.— Шлюпка наша! Теперь мы можемъ совершать на ней прогулки далеко въ море!

Мы привели нашу находку на буксирѣ въ бухту „Перваго убѣжища“ и занялись приведеніемъ ея въ порядокъ. Цѣлые дни мы глядѣли на нее, какъ на своего близкаго, желаннаго друга, и намъ казалось, что именно она поможетъ намъ выбраться изъ нашего заточенія, когда насъ потянетъ къ другимъ людямъ. Мы ее ласкали, ухаживали за ней и разговаривали съ ней, какъ съ живой.

Велика была радость моей жены, когда она увидѣла, какъ я и Федя поплыли на этомъ нашемъ суденышкѣ вдоль берега и выстрѣлили въ честь ея изъ обоихъ ружей разомъ.

Наша жизнь потекла, какъ по маслу. На этой шлюпкѣ мы объѣхали кругомъ всего нашего острова и теперь были убѣждены, что попали именно на островъ, а не на материкъ. Цѣлую недѣлю мы работали всѣ, не покладая рукъ, устраивая наше жилище, прокладывая тропинки, перекапывая огородъ. Но воскресенье мы свято чтили. Въ воскресенье съ утра мы читали Евангеліе и это было нашимъ единственнымъ чтеніемъ по книгѣ. Больше никакихъ книгъ у насъ не уцѣлѣло. Затѣмъ я и сыновья играли въ разныя игры, въ мячъ, въ городки. Я игралъ съ дѣтьми, какъ маленькій мальчикъ, и чувствовалъ, какъ развивались мои силы, хотя я и былъ уже взрослый человѣкъ, не привыкшій

до этого къ физическому труду. Мы сами таскали на себѣ воду изъ ручья, сами приносили дрова и ходили отыскивать плодовъ на ѣду. Живыхъ же существъ мы не трогали и не убивали ихъ, такъ какъ съ насъ хватало и плодовъ, и мы старались жить съ животными въ дружбѣ и платить имъ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ они встрѣтили насъ, когда мы впервые появились на ихъ прекрасномъ островѣ. Въ одномъ дуплѣ мы нашли пчелиный рой, перенесли его къ себѣ и скоро у насъ появилась цѣлая пасѣка, кормившая насъ душистымъ медомъ и дававшая намъ воскъ. Какъ умѣли, мы дѣлали изъ этого воска свѣчи, которыя жгли по вечерамъ. Чтобы не прокисло молоко, мы устроили себѣ маленькій погребъ.

— Знаешь, мой другъ, говорила мнѣ жена,— если бы не нужно было учить дѣтей, то я никогда не вспомнила бы о нашихъ людяхъ и городахъ! Тамъ борьба за существованіе, а здѣсь у насъ— настоящій земной рай.

Иногда къ нашему острову подплывалъ китъ и пускалъ высокій фонтанъ. Тогда мы прибѣгали къ берегу, смотрѣли на него во всѣ глаза и видѣли, какъ онъ мощно ударялъ своимъ хвостомъ по водѣ и уплывалъ. Онъ возвращался къ намъ нѣсколько разъ и мы скоропотомъ увидали, что онъ приплывалъ не одинъ, а съ маленькимъ китенкомъ, которому онъ давалъ сосать молоко при насъ. И было странно видѣть животное, похожее на огромную рыбу, которая кормила своего дѣтеныша молокомъ.

И, какъ святой Францискъ Ассиз-

скій, я и мои дѣти научились любить природу, называли трудъ своимъ отцомъ, вселенную своею матерью, птицъ—своими сестрами и звѣрей—своими братьями и друзьями.

Такъ прошли два года. Они промелькнули для насъ, какъ волшебная сказка, какъ радостный, блаженный сонъ. Въ эти два года мы изучили нашъ островъ до мельчайшихъ подробностей, мы знали на немъ каждое деревцо, каждую травинку, мы знали на немъ каждую птичку и каждого звѣрка. Наши козы и овцы, которыхъ мы сняли когда-то съ погибшаго корабля, теперь превратились въ цѣлое стадо. Нашъ скотный дворъ былъ полонъ разныхъ молочныхъ продуктовъ. Изъ овечьей шерсти и козьяго пуха мы дѣлали войлокъ и одѣвались въ него. Моя милая незабвенная жена шила намъ изъ него костюмы, которые не отличались, правда, моднымъ покроемъ, но были практичны и теплы.

И за всѣ эти два года мы ни разу не видѣли на горизонтѣ корабля. Да онъ былъ намъ вовсе и не нуженъ. Только однажды, къ концу уже второго года, во время страшной бури, которая пронеслась ночью надъ нашимъ жилищемъ, когда море ревѣло, и хлопотало, какъ въ котлѣ, намъ показалось, что мы слышали отдаленный выстрѣлъ изъ пушекъ. Мы всѣ выскочили на воздухъ и старались разглядѣть въ темнотѣ, не идетъ ли это пароходъ и не терпитъ ли онъ несчастье. Но всѣ наши попытки проникнуть въ темноту оказались тщетными. Мы вернулись домой и снова легли

спать. Но Федя не спалъ цѣлую ночь. А когда настало утро и море поутихло, то онъ поставилъ парусъ на нашей лодкѣ и, къ ужасу своей матери и моему, уплылъ куда-то далеко одинъ. Онъ былъ уже почти юноша, ему уже исполнилось четырнадцать лѣтъ и онъ часто уплывалъ далеко, и раньше но на этотъ разъ мы очень безпокоились. Онъ уплылъ такъ далеко, что...

Каково же было наше удивленіе, когда онъ къ вечеру возвратился домой и привезъ съ собою дѣвочку лѣтъ тринадцати. Онъ нашелъ ее лежавшею безъ чувствъ прямо на берегу на сосѣдномъ пустынномъ островѣ, перенесъ ее на лодку и поплылъ съ нею обратно къ намъ. Скоро она пришла въ себя. Она оказалась англичанкой, ея имя было Дженни. Только въ эту ночь ихъ судно потерпѣло крушеніе и изъ всего экипажа она уцѣлѣла вѣроятно только одна. Ее выбросило на берегъ. гдѣ и подобралъ ее нашъ Федя.

Я и жена обрадовались Дженни, какъ родной дочери, а наши дѣти, какъ сестрѣ. Мы не знали, гдѣ ее посадить, чѣмъ ее угостить, и отвели ей лучшее помѣщеніе въ нашемъ домѣ. Но она скоро заскучала и стала тосковать о своихъ. Она не понимала, какъ мы можемъ такъ жить одни и какъ насъ не тянетъ къ людямъ, отъ которыхъ мы давно уже отвыкли. Но увидавъ нашу простую жизнь, она скоро плѣнилась ею, вошла, какъ говорится, въ ея вкусъ, и стала жить такъ же, какъ и мы. Дочь знатнаго офицера, аристократка по рожденію, никогда не знавшая, что такое трудъ, она скоро привыкла

къ нему и трудилась вмѣстѣ съ нами, не покладая рукъ. И когда наступалъ вечеръ и она прощалась съ нами, чтобы идти ко сну, то она сладко потягивалась и, какъ маленькій ребенокъ, едва могла пересилить себя, чтобы не заснуть въ одеждѣ за столомъ.

— Я никогда такъ сладко прежде не спала, говорила она зѣвая.

Моя жена подходила къ ней, прижимала ее къ сердцу и говорила на ломаномъ англійскомъ языкѣ:

— Спи, моя дѣвочка. Господь съ тобою! Ты—моя любимая дочь!

Такъ Дженни прожила съ нами еще съ годъ.

А къ концу третьяго года въ нашихъ водахъ вдругъ неожиданно появился англійскій пароходъ. Онъ выслалъ лодку, которая долго плавала около нашихъ береговъ. Затѣмъ она подплыла къ нашему „Первому убѣжищу“ и изъ нея вышли нѣсколько матросовъ-англичанъ. Мы всѣ побѣжали къ нимъ навстрѣчу и смотрѣли на нихъ въ удивленіи, широко разинувъ наши рты. Они сообщили намъ, что около года тому назадъ въ нашихъ мѣстахъ погибъ большой англійскій пароходъ и они плаваютъ здѣсь уже давно, стараясь напасть на слѣдъ хоть кого-ни-

будь, кто спасся послѣ той ужасной ночи. И когда мы имъ сказали, что спаслась Дженни и что она живетъ теперь у насъ, то одинъ изъ офицеровъ, прибывшихъ съ матросами, радостно воскликнулъ: — „Да вѣдь это — моя сестра!“ Дженни бросилась къ нему на шею и стала отъ радости плакать. Плакали и мы.

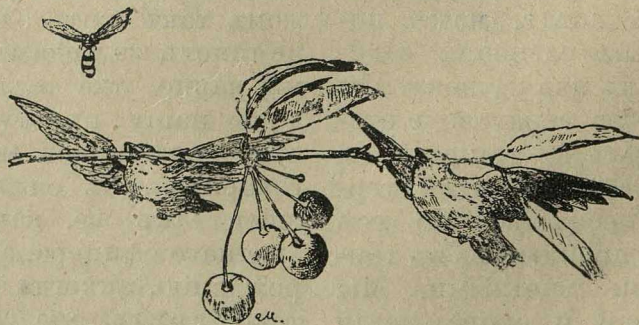
Затѣмъ намъ предложили отправиться въ Европу. Но намъ было жалъ покидать нашъ милый, пріютившій насъ, островъ и мы долго отказывались и просили офицеровъ оставить насъ на немъ навсегда.

Но они настояли на своемъ и взяли всѣхъ насъ съ собой почти насильно.

Я и жена, прощаясь со всѣмъ островомъ, плакали навзрыдъ. Одни только наши дѣти радовались предстоящей поѣздкѣ въ Европу и, какъ дѣти, жили только будущимъ, и не сознавали того, что пережили, что приобрѣли и что теперь теряли навѣки.

Дядя умолкъ. Онъ пристально глядѣлъ на изрѣдка вспыхивавшіе уголья въ каминѣ и весь отдался своимъ воспоминаніямъ; я зналъ, что такъ онъ можетъ сидѣть цѣлые часы, и тихо, на цыпочкахъ, вышелъ изъ комнаты и побрелъ къ себѣ домой.

Гіальмаръ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

(Продолженіе).

Когда мы проснулись, то было уже утро.

— Вставайте, вставайте! говорила намъ няня.—Уже пора! Въ церковь пора ѣхать!

— Въ церковь? Почему въ церковь?

— Сегодня воскресенье!

Я поднялась, вспомнила про Игнатъевну и засунула руку подъ подушку. Тамъ оказался завернутый въ бумажку сладкій пирожокъ.

— Посмотрите, что у меня здѣсь! воскликнула я.—Фрося, Коля, идите сюда скорѣй!

Но въ это время вошла въ комнату сама Игнатъевна и погрозила мнѣ пальцемъ, чтобы я молчала.

— Это тебѣ мышка ночью принесла, сказала она,—за то, что ты умная. Ну, вставайте, дѣтки, поскорѣе! Лошади уже готовы! Пора ѣхать.

Мы одѣлись въ свои лучшіе костюмы, напились наскоро молока и всѣ мы потомъ усѣлись въ длинную линейку, спина къ спинѣ, и поѣхали въ церковь. Церковь находилась въ пяти верстахъ. Когда мы подѣхали къ ней, то служба уже началась и нужно было протискиваться сквозь толпу. Передъ нами почтительно разступались и когда тетя заняла свое обычное мѣсто около лѣваго клироса, то появился откуда-то сторожъ и разостлалъ передъ нею коврикъ. Пѣли стройно пѣвчіе. Пахло дегтемъ отъ крестьянскихъ сапогъ и деревяннымъ масломъ отъ ихъ

головъ. Тетя достала изъ кошелька серебряную монету и сунула мнѣ ее въ руку.

— Пойди купи просфору, сказала она,—и подай ее за здравіе болящаго Василия.

Я купила просфору и выждавъ, когда изъ алтаря вышелъ батюшка, подала ему ее и сказала:— За здравіе болящаго Васи..

Онъ взялъ отъ меня просфору, понесъ ее въ алтарь и вскорѣ вынесъ ее обратно уже съ вынутой частицей и съ улыбкой передалъ ее мнѣ.

— Вачъ Вася будетъ здоровъ! тихонько сказалъ онъ.—Его Богъ исцѣлитъ...

По окончаніи обѣдни мы отправились всѣ къ бабушкѣ въ гости пить чай. Его матушка не знала, гдѣ насъ посадить, угощала насъ и закармливала. Бабушка подтрунивалъ надъ нами. Тутъ-же за столомъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати, ихъ сынъ Андрюша. Онъ учился въ городѣ въ духовномъ училищѣ и теперь проводилъ лѣто дома. Онъ былъ какой-то нелюдимъ, молчалъ и все время исподлобья посматривалъ то на меня, то на Колю. А когда мы уѣзжали, то онъ вдругъ оживился, выбѣжалъ на дворъ и перекувырнулся ни съ того, ни съ сего черезъ голову.

— Ты умѣешь такъ? спросилъ онъ Колю.

— Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ.

— А такъ?

И онъ прошелся передъ нами на рукахъ вверхъ ногами.

Задумалась.

— Андрей, перестань! крикнула на него мать.—Ты себѣ голову ломаешь!

— А ты умѣешь шевелить ушами? въ свою очередь спросилъ его Бориска.

Маленькая хозяйшка.

— Ничего, отвѣтила Игнатъевна.—Эту сломаетъ, другая вырастетъ!

— Нѣтъ, отвѣтилъ Андрей.
— А я умѣю!
— А ну-ка пошевели!

Бориска сталъ дѣлать такія уморительныя рожи, что мы всѣ разсмѣялись, но уши у него такъ и не задвигались вовсе. Ему стало стыдно, и онъ отошелъ въ сторону.

Андрюша показалъ намъ еще нѣсколько фокусовъ и робко спросилъ:

— Можно мнѣ пріѣхать къ вамъ въ гости?

Мы вопросительно посмотрѣли на тетю.

— Можно, можно! отвѣтила она.—Пріѣзжай.

Мы усѣлись въ линейку и отправились въ путь.

— Домой? спросилъ кучеръ.

— Нѣтъ, на мельницу! приказала тетя.

Мы свернули въ сторону отъ дороги и скоро подѣхали къ водяной мельницѣ, стоявшей на одномъ изъ рукавовъ рѣки. Около нея находился бѣленькій домикъ съ зеленой желѣзной крышей. Здѣсь жила мельничиха. Насъ встрѣтила ея работница. Мы всѣ, сколько насъ было, сошли съ линейки и отправились въ домикъ.

— Ну, что? спросила у работницы тетя.—Какъ Вася? Все еще хвораетъ?

Работница пожала плечами.

— И хвораетъ, и нѣтъ, отвѣтила она.

Мы вошли.

— А гдѣ-же Настасья Карповна? спросила тетя.

— Уѣхала на базаръ,—отвѣтила работница.

Во всемъ домѣ Вася былъ одинъ. Мы застали его въ спаленкѣ. Онъ сидѣлъ на кровати съ одѣяломъ, сшитымъ изъ кусочковъ всевозможныхъ рисунковъ ситца, и, по-

добравъ подъ себя ножки, вырѣзалъ изъ газеты буквы. Онъ былъ очень худъ и блѣденъ, отчего его большіе глаза казались еще больше и темнѣе. Завидѣвъ насъ, онъ отнял отъ газеты глаза и лицо его вдругъ озарилось улыбкой. Онъ узналъ тетю.

— Ну, здравствуй, Вася—поймалъ-ли караса? сказала Игнатъевна.

— Здравствуйте, тетенька, отвѣтилъ онъ.

— Какъ твое здоровье? спросила его тетя.

— Хорошо...

— Оно и видно, что хорошо... проговорила Игнатъевна.—Однѣ только кости... Ни кожи, ни рожи,—тараканьи мощи... Не присылала еще мать письма?

Мальчикъ опустилъ голову и на рѣсницахъ у него засвѣтились слезинки.

— Нѣтъ... чуть слышно отвѣтилъ онъ.

Мнѣ стало жалко Васю. Я подѣла къ нему на кровать и спросила его, зачѣмъ онъ вырѣзаетъ буквы? Онъ вскинулъ на меня свои большіе глаза и не нашелся, что сказать.

— Такъ... отвѣтилъ онъ.

— Пріѣзжай къ намъ въ гости, продолжала я.—У насъ поспѣли уже вишни и груши... Мы привезли съ собой игрушки! Пріѣдешь?

Онъ посмотрѣлъ на тетю и нерѣшительно отвѣтилъ:—Хорошо!

Тетя подозвала къ себѣ работницу.

— Аграфена, сказала она,—вотъ что! Когда вернется съ базара Настасья Карповна, то ты скажи ей, чтобы она перевезла Васю ко мнѣ. Теперь онъ будетъ жить у

меня. Скажи ей, что ко мнѣ приѣхали гостить ребята, такъ пусть переѣзжаетъ и онъ. А то что ему здѣсь томиться одному! Чтобы обязательно его сегодня-же привезли!

Мы простились съ Васей и отправились домой. Я долго еще смотрѣла на удалявшійся отъ насъ бѣленькій домикъ и видѣла, какъ въ окно на насъ глядѣлъ Вася и печальными глазами провожалъ насъ домой.

На слѣдующее утро, когда мы сѣли завтракать, къ намъ вдругъ неожиданно пришелъ пѣшкомъ Андрюша. Онъ былъ весь красный отъ жары и всю дорогу шелъ босикомъ, потому что мы видѣли, какъ, войдя къ намъ во дворъ, онъ присѣлъ подъ кустикомъ и надѣлъ сапоги. Едва только онъ явился къ намъ, какъ тотчасъ-же его усадили за столъ и начался смѣхъ. Застѣнчивый и дикій только съ виду, онъ какъ-то сразу развернулся и сталъ показывать намъ разныя штуки: какъ ѣсть лошадь, какъ жуется жвачку корова, а когда дошла очередь до курицы, какъ она клюетъ, то онъ нагнулся надъ тарелкой и сталъ долбить своимъ носомъ въ красную подливку изъ томатовъ.

— Ну, на кого ты, Андрей, сталъ похожъ? урезонивала его Игнатъевна.—Посмотри на себя въ зеркало! Вѣдь ты обмазалъ соусомъ всю свою образину!

Но Андрюша не унимался, обмахнулъ палецъ въ горчицу и нарисовалъ имъ у себя на лбу кружокъ.

— Это кокарда! сказалъ онъ.—Теперь я—офицеръ!

— Пороть тебя некому! завор-

чала на него Игнатъевна.—Такъ себя измазалъ, что ни образа, ни подобія не осталось. У, безстыдникъ!

Послѣ завтрака всѣ мы высыпали въ садъ. У Андрюши было плутоватое выраженіе лица и мы догадывались, что онъ что-то затѣялъ. Чувствуя себя героемъ дня, онъ шелъ впереди всѣхъ и размахивалъ руками. Дойдя до забора, на которомъ грѣлись мухи, онъ взмахнулъ рукою, сжалъ кулакъ и поднесъ его къ уху.

— Ага! обрадовался онъ.—Есть! Поймалъ!

И разжавши кулакъ, онъ бросилъ всѣхъ мухъ въ ротъ, разжевалъ ихъ и съѣлъ.

— Андрей, что ты дѣлаешь? испугались мы.—Вѣдь это тебѣ повредить!

Но онъ весело утеръ ротъ рукавомъ и отвѣтилъ:

— Ничего! Онѣ—кисленькія!..

И такимъ-же героемъ онъ отправился дальше по парку. Мы кучей послѣдовали за нимъ.

— Ловите меня всѣ! вдругъ воскликнулъ онъ и бросился отъ насъ бѣжать.

Мы съ визгомъ кинулись вслѣдъ за нимъ. Онъ убѣгалъ отъ насъ, мы бѣжали за нимъ и никакъ не могли его поймать. Онъ такъ ловко увертывался отъ насъ, что намъ стало обидно, и мы рѣшили изловить его во что-бы то ни стало.

— Не поймаете! Не поймаете! дразнилъ онъ насъ.

А мы бѣгали за нимъ и отвѣчали: — Нѣтъ, поймаемъ! Нѣтъ, поймаемъ!

И между нами началась игра въ перегонки. Теперь единственной нашей мыслью, единственнымъ

нашимъ желаніемъ было поймать Андрея. Подъ конецъ онъ утомился и самъ отдался намъ въ руки и, потные, раскраснѣвшіеся отъ жары и запыхавшіеся, мы схватили его за полы пиджака и стали держать.

— Пойдите, сказалъ онъ. — Дайте духъ перевести! Уфъ, жарко, усталъ!..

И не прошло и двухъ минутъ, какъ Андрей сталъ уже показывать, какъ ползаетъ змѣя, и распростерся животомъ по травѣ и зашипѣлъ. Мы всѣ расмѣялись. А затѣмъ онъ вдругъ вскочилъ и сказалъ:

— Давайте играть въ Робинзона! Это такъ интересно!

— Давайте! отвѣтили мы. — А какъ въ него играть?

— Мы сейчасъ отправимся къ рѣкѣ, сядемъ въ лодку и поплывемъ къ необитаемому острову. По дорогѣ мы раскачаемъ лодку, сдѣлаемъ кораблекрушеніе, упадемъ всѣ въ воду и, прямо въ одеждѣ и въ сапогахъ, будемъ спасаться. Кто изъ насъ доплыветъ до острова, тотъ и будетъ Робинзонъ, а кто утонетъ, тотъ... ну, пусть себѣ и утонетъ!

Мы всѣ испугались этой его интересной игры и дико на него посмотрѣли.

— Андрюша, сказала я, — что это ты говоришь? Да вѣдь мы утонемъ всѣ! Въ умѣ-ли ты?

Онъ сообразилъ, что придуманная имъ игра была нелѣпой, и смутился.

— Да, согласился онъ. — Дѣйствительно, эта игра не того... У насъ вышелъ-бы такой Робинзонъ, что папаша послѣ оставилъ-бы меня вовсе безъ ушей или выпо-

роль-бы... Но что-бы намъ такое придумать еще?

И пока мы придумывали, насъ кликнули вдругъ въ домъ.

— Дѣти! чай пить!

Мы хотѣли пить и отправились бѣгомъ на зовъ. За чаемъ Андрюша опять дѣлалъ глупости и всѣхъ насъ смѣшилъ. Наливъ себѣ въ блюдце чаю и положивъ въ него сухарикъ, онъ говорилъ, что это вовсе не сухарикъ, а пароходъ и что этотъ пароходъ терпитъ кораблекрушеніе. При этомъ Андрюша грязнымъ пальцемъ болталъ въ блюдечкѣ чай, стараясь произвести въ немъ бурю и потопить сухарь, и послѣ этого кораблекрушенія съ аппетитомъ выпивалъ изъ блюдечка получившуюся мутную жижу.

— Ну, и что ты все балуешься? говорила ему Игнатъева. — Всѣ люди, какъ люди, одинъ ты въ колпакѣ! Точно клоунъ въ балаганѣ на ярмаркѣ!

Но тетя - Оля тоже отъ души смѣялась на него и это еще болѣе подзадоривало его на новыя и новыя шалости. Онъ былъ крестникъ Игнатъевны и тетя любила его и относилась къ нему очень снисходительно.

— Хотите я покажу вамъ памятникъ Пушкину? вдругъ обратился онъ къ намъ послѣ чая.

— Хотимъ, отвѣтили мы.

Онъ вышелъ въ сосѣдную комнату, выдвинулъ на средину ея стулъ, поставилъ на столъ стулъ, на стулъ скамеечку, взобрался на самый верхъ и сталъ въ позу подъ самымъ потолкомъ.

— Смотрите! крикнулъ онъ. — Я—Пушкинъ!

Мы всѣ бросились на него смо-

трѣть, какъ вдругъ въ это время въ стулѣ что-то затрещало и къ нашему ужасу, нашъ Пушкинъ, потерявъ равновѣсіе, кубаремъ свалился на полъ со своего высокаго пьедестала. Мы такъ и ахнули. Тетя и Игнатъевна бросились къ нему, подняли его съ полу и очевидно онъ сильно расшибъ себѣ затылокъ и ногу, потому что тотчасъ-же схватился за нихъ руками и сталъ тереть.

— И что мнѣ съ тобой дѣлать? воскликнула Игнатъевна.—И уродился-же такой головорѣзь! Ну, говори! Гдѣ ушибъ? Гдѣ больно?

Тетя тоже захлопотала около Андрюши, но въ это время, высоко въ вѣтвяхъ дерева, росшаго передъ окошкомъ, показалась кошка. Вѣроятно, она забралась туда, чтобы полакомиться за счетъ птичьихъ гнѣздъ. Андрюша позабылъ о всѣхъ своихъ болѣзняхъ и тотчасъ-же выскочилъ изъ комнаты и сталъ вскарабкиваться на дерево.

— Я принесу сейчасъ кошку обратно! крикнулъ онъ намъ съ вышины.—Я ее сейчасъ тамъ поймаю!

Но поймать кошку на деревѣ ему не удалось и онъ съ конфузомъ возвратился назадъ.

— Что это у тебя на спинѣ? вдругъ ужаснулась Игнатъевна.

Она повернула Андрюшу за плечи къ намъ спиною и мы увидели, что на его курткѣ зіяла огромная дыра. Доставая кошку, онъ зацѣпился за сучокъ и не замѣтилъ, какъ разорвалъ куртку отъ ворота до самаго пояса. Мы всѣ весело засмѣялись.

— Ну, что мнѣ съ тобой, съ разбойникомъ, дѣлать? всплеснула

руками Игнатъевна.—И въ кого ты такой уродился? Вотъ погоди, я пожалуюсь на тебя отцу Варсонофію; онъ тебѣ задастъ!

И стащивъ съ него черезъ голову куртку, она надѣла очки, сѣла у окошка и стала ее починять.

— Ну, сыночекъ крестный! Нечего сказать! ворчала она.—Наградилъ Господь сыночкомъ! И родилась и крестилась, а такихъ крестныхъ сыночковъ не видала!

Онъ сидѣлъ въ одной рубашкѣ и дожидался, когда Игнатъевна окончитъ зашиванье его куртки и, глядя на его пухлыя розовыя щеки, на его крѣпкія, широкія плечи, мы такъ и ожидали, что вотъ-вотъ онъ выкинетъ опять какую-нибудь штуку. Казалось, что ему некуда было дѣвать своего здоровья и силъ и что если-бы ему запретили двигаться и шалить, то онъ-бы зачахъ и заболѣлъ.

— Ну, что буркалы-то свои пучишь? отгрызнулась на него Игнатъева.—Вотъ возьму сейчасъ, да твой носъ и зашью!

Очевидно, она любила своего крестника, любила его такого, какъ онъ есть, здороваго, неуклюжаго, отчаяннаго шалуна. Ей нравилось что онъ много ѣлъ, много пилъ, лазалъ по деревьямъ, выдумывалъ разныя нелѣпыя игры и не плакалъ, когда больно ушибался. Этимъ нравился онъ и намъ. И когда Игнатъевна бранила его, когда она ворчала на него, то, не смотря на ея хмурое лицо и строгій тонъ, мы такъ и слышали въ ея словахъ: — „Вотъ это — настоящій мальчишка! Изъ этого выйдетъ толкъ!“

— Ну, бѣгите теперь всѣ въ садъ! сказала Игнатъевна, потрясла

въ окошко куртку Андрюши и дала ему ее надѣть.—Только ты, чумазый, больше не лазай по деревьямъ. А ты, сусликъ, чего смѣешься? Смотри ты у меня! Я и до тебя доберусь!

— Гы-и! отвѣтилъ ей Бориска.

Мы всѣ гурьбою опять высыпали въ садъ и играли тамъ до самаго обѣда. За обѣдомъ Андрей снова чудилъ. Онъ ѣлъ за четверыхъ и когда подали тоненькіе яичные блинчики, то онъ проѣлъ въ одномъ изъ нихъ глаза, носъ и ротъ и надѣлъ его, точно маску, себѣ на лицо.

— Ну, что ты шутъ - Балакиревъ, дѣлаешь? крикнула на него Игнатъевна и полу-шутя, полу-серьезно ударила его по затылку.—Вотъ погоди, уже я тебя высѣку прутомъ!

Но намъ было весело, мы всѣ смѣялись и, глядя на насъ, смѣялись и тетя-Оля и сама Игнатъевна, и старенькая Пелагея Арсенъевна, сидѣвшая въ уголку.

— Дорогіе мои, шептала она.—Такъ бы все сидѣлъ, да на васъ бы и глядѣлъ!.. Сподобилъ Господь дождаться...

Послѣ обѣда задулъ сильный вѣтеръ и стало пасмурно. Сначала мы думали, что кто-то взадъ и впередъ ѣздитъ черезъ мостъ, но оказалось, что это вдаль гремятъ громъ. Стала собираться гроза и къ вечеру вѣтеръ уже буйно шумѣлъ въ вѣтвяхъ деревьевъ и гналъ вдоль дороги цѣлыя облака пыли. Андрюша собирался домой, но его не пустили и оставили ночевать. Громъ сталъ гремятъ все ближе и ближе и наконецъ грянулъ дождь. Стало вдругъ темно и пришлось зажи-

гать огонь, не смотря на то, что было всего еще только семь часовъ вечера. Молніи вспыхивали во всѣхъ концахъ неба и такъ ярко, что насъ ослѣплялъ ихъ свѣтъ, и раздавались такіе удары грома, что казалось, будто надъ нами раскалывалось на части небо и съ грохотомъ валилась по желѣзной крышѣ кирпичная труба. Тетя-Оля, няня и Игнатъевна набожно крестилась и при каждой вспышкѣ молніи шептали:

— Святъ, святъ, святъ...

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы, дѣти, сидѣли рядышкомъ на диванѣ, щурились отъ вспыхивавшихъ молній и боялись, какъ-бы громъ насъ не убилъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, вода съ шумомъ бѣжала по водосточной трубѣ и въ то-же время дулъ сильный вѣтеръ, и потрясалъ вершинами столѣтнихъ липъ и дубовъ.

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. гремятъ раскатисто громъ и казалось, будто кто-то стрѣлялъ сразу изъ тысячи пушекъ.—Тррра!!!

— Тетенька, мнѣ страшно!.. вдругъ послышался жалобный голосокъ Фроси.

— Не бойся, дѣточка, отвѣтила тетя-Оля.—Скажи „Святъ, святъ, святъ“..., страхъ и пройдетъ. Послѣ грозы во всемъ воздухѣ будетъ благодать!

Въ девять часовъ вечера мы легли спать. Гроза все еще продолжалась. Сквозь плотно задернутыя занавѣски къ намъ въ комнату врывались вспыхиванія молній и мы долго еще не могли уснуть.

— Такъ сегодня къ намъ Васю и не привезли! сказала тетя-Оля, выходя изъ нашей спальни:—

Должно быть, Настасья Карповна не возвращалась еще домой.

— Да, бѣдный мальчикъ, отвѣтила ей Игнатьевна.—Сидитъ теперь, бѣдненькій, во всемъ домѣ одинъ и грозы боится!

И, продолжая свой разговоръ, онѣ обѣ ушли куда-то далеко.

Андрюшу положили въ сосѣдней комнатѣ, но ему стало страшно одному и онъ перетащилъ свою перинку и подушку къ намъ въ дѣтскую и улегся среди пола. Мы долго еще разговаривали о разныхъ исторiяхъ и наконецъ мало-помалу стали засыпать. Все еще сверкала молнiя, гремѣлъ громъ и дулъ вѣтеръ и мнѣ представлялся больной Вася, одинъ во всемъ домѣ, въ ужасѣ прижавшимся въ уголку. Казалось, я такъ-бы и побѣжала за нимъ и привела-бы его сюда.

Среди ночи я была разбужена

сильнымъ ударомъ грома. Гроза все еще продолжалась. Молнiя по-прежнему освѣщала нашу комнату, не смотря на спущенныя занавѣски, и все еще шумѣли деревья и шелъ дождь. Громко бредилъ во снѣ Андрюша и мнѣ было страшно и грома, и его бреда.

— Андрюша! Андрюша! зашептала я ему.—Проснись! Не кричи такъ!

Но Андрюша не просыпался и продолжалъ во все горло кому-то командовать во снѣ:

— Иди сюда! кричалъ онъ.— Говорятъ тебѣ, иди сюда!

Я укрылась съ головой и еще долго не могла заснуть. Я слышала, какъ пробило далеко въ столовой два часа и какъ у тети-Оли въ спальнй имъ отвѣтили тоненькимъ голоскомъ ея маленькiе фарфоровыя часики.

А затѣмъ заснула и я.

М. Б—скій.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Рѣшенiе головоломки и ребуса № 15, опубликованныхъ въ № 14 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I., ...мя + со (мясо), ...теля + тина (телятина), соло + нина (солонина), суха + ри (сухари), ...огу + рцы (огурцы), ...ка + пуэта (капуста), ...ма + сло (масло), ...ква + съ (квасъ), ...грѣ + чиха (гречиха), ...ка + ша (каша). II., Со-дома, овесъ, сало, весло, масло, волоса, олово = Авессаломъ. III., Птичка божiя не знаетъ ни заботы, ни труда, IV., Мели + то + поль (Мелитополь), ...Харь + ковъ (Харьковъ), ...ту + ла (Тула), ...су + мы (Сумы), ...Казань, ...ри + га (Рига), ...ла + дога (Ладога), ...ка + дуга (Калуга), ...ко + зло + въ (Козловъ), ...вя + тка (Вятка). V., За уши.

Ребуса № 15. Око + ло о + пушки + лѣ + сабли + зѣ + мо + стадо + рогъ + у + разъ + мыло + дождь + я + ми = Около опушки лѣса, близъ моста, дорогу размыло дождями.

Вѣрныя рѣшенiя за эти двѣ недѣли прислали. С. Герасимовъ, Ю. Петрашевскiй, И. и С. Никаноровы, В. Осташковъ, Г. и О. Трестеры, Н. Кокушкина, Л. Качанъ, Л. Жилинская, Н. Ефремова, Л. Кривицкая, В. П. и Ж. Дюжовы, В. и В.

Годко, И. и Н. Гаусманъ, К. и Л. Студитскiе, Л. и И. Машковы, М. Печарская, П. Политовъ, П. Бугоскiй, Т. и В. Черкасовъ, О. Бодло, Л. Смирнова, И. Мiяковскiй, Л. Выховскiй, Ж. Лебедева, П. Ольшанскiй, Л. Ждановъ, И. и Л. Коцауровы, М. Явниловичъ, А. Фалкова, И. Шифринъ, В. Рыбалко, И. Вальдбергъ, Т. Тарасова, Наташа и Маруся, О. Горѣлова, Б. Вокъ, В. Войнарскiй, Э. Бахметенко, И. Ведерникова, Е. Камендровская, Оксаночка и Гришутикъ, К. Холявинъ, А. Бѣлянова, Л. и Л. Винюковы, Н. Яроцкiй, Дѣти Новокрещеновы, М. и Н. Серебренниковы, Н. Иванова, О. Эдельманъ, Б. и А. Домонъ, С. и П. Темировы, К. и В. Сухины, В. Глоковъ, В. Федоровъ, Л. В. и Л. Грейнеръ, Ш. Евгеньева, А. Домничъ, М. Заорскiй, Н. Губарь, Л. Шернепецъ, О. Климова, И. Косьяновъ, Г. Ловенъ, Т. А. и О. Ветцъ, В. Енчамень, Г. Энненбергъ, О. Танхимовичъ, М. Персицъ, Г. Смоленскiй, Д. Добровольскiй, А. Е. и А. Арбузовы, Г. и С. Бѣлоземцевы, В. и Г. Добрецовы, Э. Эбергардтъ, К. Нусенкисъ, В. Ивановъ, В. Миверовъ, А. Генъ, Н. и В. Романовы, Н. Нардина, К. Колобова, О. Новицкая, С. П. Воцлавскiй, В. и Т. Ишерскiе, А. и С. Ша-

Ребусъ № 16

товы, А. Свѣдская, А. Никитинъ, Ю. Свѣдскій, В. Сладкопѣвцева, Т. Мазаихинъ, К. Кротовъ, Ю. и Н. Сладковы, В. Астреинъ, В. Рощанъ, Р. Клиндухъ, С. Адельбергъ, Люся М. И. Гольденбергъ, Я. Лаковичъ, З. Ведехина, Т. Бѣльская, С. Звѣрева, Подуровская, К. и Н. Соколовы, И. и Н. Гаусманъ, М. Бабенко, В. Бородинъ, К. Церлингъ, Л. и Г. Шапиро, К. Казачинскій, М. Теръ-Микаэлянцъ, Б. Крохинъ, А. Н. Дарстау, М. Чурсановъ, П. Хмѣлевскій,

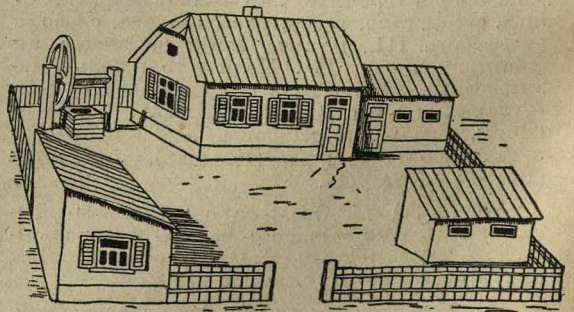
Е. Лыскова, Ж. Бондаренко, К. Холявинъ, Ш. и Н. Санниковы, В. и Н. Непаровы, Л. Чумакова, Н. и Ю. Сладковы, В. Бушъ, А. и В. Шалонины, А. Рапопортъ, Ю. Карташевскій, В. Македоновъ, В. Бабелянцъ, Н. Шашковская, Э. и З. Лейгесъ, Дѣти Абастумана, Т. Каледина, Е. Заболоцкая, Дѣти Терлецкія, М. Заорскій, М. Кудринская, Е. Дубровинъ, М. и Н. Бусловичъ, А. Порадовскій, В. и К. Нусенкистъ.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

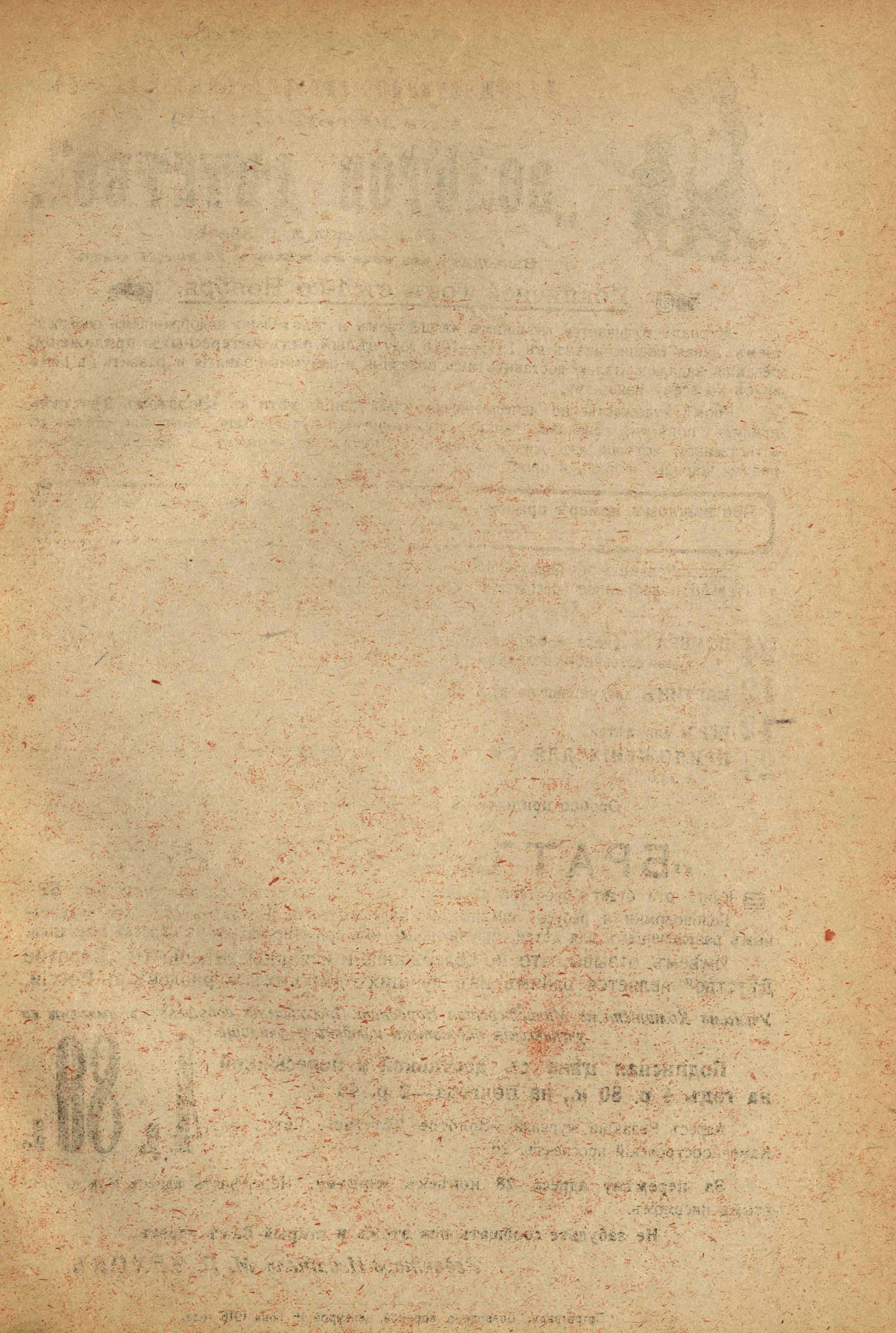
съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Ѳомка“.
2. „Въ хеволъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

[подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

≡ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровскій проспектъ, 26.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.